

Бурцев В. А. Интерпретация предикативных неассертивных отношений в структуре высказывания в дискурсе русской православной проповеди / В. А. Бурцев // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-9-27.

Burtsev, V. A. (2021). Interpretation of Predicative Non-Assertive Relations in Structure of Utterance in Discourse of Russian Orthodox Sermon. *Nauchnyi dialog*, 4: 9-27. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-9-27. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-9-27

Интерпретация предикативных неассертивных отношений в структуре высказывания в дискурсе русской православной проповеди

Бурцев Владимир Анатольевич
orcid.org/0000-0001-7987-8518
доктор филологических наук,
профессор
кафедра русского языка, методики
его преподавания и документоведения
ivburcev@yandex.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Interpretation of Predicative Non-Assertive Relations in Structure of Utterance in Discourse of Russian Orthodox Sermon

Vladimir A. Burtsev
orcid.org/0000-0001-7987-8518
Doctor of Philology, Professor
Department of the Russian Language,
Methods of its Teaching and
Documentation
ivburcev@yandex.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

© Бурцев В. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются категориальная принадлежность и семантические характеристики пропозиций, которые в текущем высказывании не имеют статуса ассерций. Такие пропозиции обозначаются термином «предассертив». Показано, что предассертивный статус пропозиций определяют два основных фактора: грамматический фактор предшествования / следования эксплицитной или имплицитной предикации относительно момента речи и дискурсный фактор представления в пропозиции предассертива информации, отражающей религиозную ментальность и религиозную идеологию. Действие данных факторов порождает явление асубъективации. При асубъективации семантическое содержание языкового выражения определяется только свойствами описываемой ситуации, а не локутивной деятельностью субъекта речи. Установлено, что статус «предассертив» могут получать целые предложения, в том числе с непропозициональными значениями. Показано, что по некоторым свойствам предассертив сопоставим с рядом единиц разных членений семантико-синтаксической структуры высказывания, однако специфическое его проявление в связи с асубъективацией доказывает, что это особая категория в отношениях с эксплицитной предикацией. Исследование проведено на материале русской православной проповеди. Новизна исследования состоит в характеристике предассертива как нового синтаксического отношения на оси «ассерция — неассертивный компонент» высказывания. Актуальность определяется тем, что работа развивает принципиально новый аспект изучения субъективности в языке.

Ключевые слова:

предассертив; дискурс; асубъективация; референция; говорящий; русская православная проповедь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The categorical affiliation and semantic characteristics of propositions that do not have the status of assertions in the current utterance are considered. Such propositions are denoted by the term “pre-conservative”. It is shown that the preassertive status of propositions is determined by two main factors: the grammatical factor of precedence / following of explicit or implicit predication with respect to the moment of speech and the discourse factor of presentation in the proposition of the preassertive information reflecting religious mentality and religious ideology. The action of these factors gives rise to the phenomenon of asubjectivation. With asubjectivization, the semantic content of a linguistic expression is determined only by the properties of the described situation, and not by the locutionary activity of the subject of speech. It has been established that whole sentences, including those with non-propositional meanings, can receive the “pre-passive” status. It is shown that, in terms of some properties, the preassertive is comparable to a number of units of different articulations of the semantic-syntactic structure of an utterance, however, its specific manifestation in connection with asubjectivation proves that this is a special category in relation to explicit predication. The research was carried out on the basis of the material of the Russian Orthodox sermon. The novelty of the research consists in the characterization of the preassertive as a new syntactic relation on the axis “assertion — non-assertive component” of the utterance. Relevance is determined by the fact that the work develops a fundamentally new aspect of the study of subjectivity in language.

Key words:

pre-selection; discourse; asubjectivation; reference; speaking; Russian Orthodox sermon.

Интерпретация предикативных неассертивных отношений в структуре высказывания в дискурсе русской православной проповеди

© Бурцев В. А., 2021

1. Введение

Термин *предассертив* (*преассертив*, *не-ассертив*) ввел П. Серио для обозначения синтаксического (предикативного неассертивного) отношения, которое специфическим образом соотносено с действительностью [Серио, 1998б, с. 362, 363, 364]. Данное понятие входит в набор основных исходных понятий французской школы анализа дискурса (ФШАД) [Квадратура смысла ..., 1998] и необходимо при описании особенностей производства высказываний в дискурсе. В настоящей статье с позиций ФШАД предлагается исследование семантических свойств предассертива, описание способов его языкового выражения, а также сопоставление данной категории с пресуппозицией и статусами грамматических и неграмматических единиц, распределяемых по разным членениям коммуникативной и семантико-синтаксической структуры предложения, такими как топик, подлежащее, данное (см. [Демьянков, 1979; Кибрик, 1982, с. 21—23]).

Новизна работы состоит в характеристике предассертива как нового типа синтаксических отношений. Актуальность определяется тем, что развивается принципиально новый аспект исследования субъективности в языке, связанный с изучением асубъективации говорящего в дискурсе. В статье предпринимается попытка ответить на следующие вопросы: откуда «берется» предассертив? чем он отличается от других типов единиц, не входящих в ассерцию высказывания? каковы способы его выражения? Материалом для исследования служат тексты русских православных проповедей.

2. Откуда берется предассертив

Мы считаем ту или иную неассертивную предикацию предассертивом, исходя из грамматического фактора и неграмматического (дискурсного), определяющего особый характер референции неассертивного компонента.

2.1. Грамматический фактор предшествования / следования эксплицитной и имплицитной предикаций относительно момента речи

Предассертив — семантический компонент в составе предложения, пропозиция которого не имеет статуса ассерции. Это суждение, которое не утверждено говорящим, но присутствует в семантике текущего выска-

зывания. В литературе неоднократно исследовались характеристики не-ассертивных компонентов как пресуппозиций, импликатур и логических следствий [Арутюнова, 2002; Кифер, 1987; Лайонз, 2003; Падучева, 1985, Падучева 2013 и др.].

Как отмечено в [Падучева, 2013, с. 30], статус ассерции обычно имеет пропозиция финитного глагола. Статус предассертива могут иметь практически все выражения сентенциального типа (сентенциальные группы [Кобозева, 2004, с. 236—237]) с пропозитивным значением [Золотова, 1995, с. 101; Микрюкова, 2011]. Однако пропозициональный семантический фактор не ведет к выявлению предассертива. Поэтому как дифференциальный мы рассматриваем грамматический фактор отношения предикации к моменту речи высказывания. Так, временная локализация основной, эксплицитной предикации предложения и имплицитной предикации предассертивного суждения отличаются относительно момента речи: акт предикации (или предикация) в предассертиве является предшествующим, поскольку предассертивные формы — это трансформационные формы предложений, в которых предикация по определению осуществлена до локутивного акта текущего высказывания.

Иллюстрациями предассертива в данном месте могут служить номинализации. Под *номинализацией* понимается сентенциальная группа, синтаксической вершиной которой является отпредикативное существительное [Кобозева, 2004, с. 236—237]. Согласно [Арутюнова, 1972, с. 308)], номинализация — это предложение, транспонированное в именную позицию. Такой же подход в [Арутюнова, 2002, с. 63—66, 68—75; Комри, 1985].

Так, в примере (1) выявляется номинализация *ожидание*:

(1) *Страшен, страшен Господень суд для отступников, но неизреченным ликованием наполняет ожидание Спасителя сердца верных* [Владимир ..., митроп., 2009, с. 706].

Номинализация *ожидание* представляет собой «свернутое предложение» (2) со своим глаголом-предикатом:

(2) *Сердца верных ожидают Спасителя.*

В коррелятивном предложении (2) также осуществляется «пропозициональный акт» [Падучева, 1985, с. 23], как и в высказывании (1), однако по времени своего производства он предшествует актуальной предикации текущего высказывания (1).

2.2. Дискурсный фактор

Другое проявление специфики предассертива состоит в том, что отрицание влияет на истинность его пропозиции. Поэтому можно полагать, что в текущем высказывании пропозиция предассертива обладает собственным истинностным значением. Характерными примерами в проповедях

могут служить придаточные изъяснительных предложений. Так, для придаточных из (3) и (4) отрицанием служат (3а) и (4а). Однако перефразировки с отрицанием в придаточных порождают смысл, неприемлемый для высказываний (3) и (4) в проповеди.

(3) *А эти слова ясно показывают, что сердце Богоматери было преисполнено живейшей радости о Господе Боге и благодарности к Богу, соединенных с глубочайшим чувством смирения* [Григорий, архиеп., 1853, с. 163].

(3а)* *А эти слова ясно показывают, что сердце Богоматери (не) было преисполнено живейшей радости о Господе Боге и благодарности к Богу, соединенных с глубочайшим чувством смирения*

(4) *Будем помнить, что находиться в присутствии Божиим — величайшая честь...* [Сурожский, митроп., 2009, с. 147].

(4а)* *Будем помнить, что находиться в присутствии Божиим — (не) величайшая честь...*

Так же ведут себя в проповеди при развертывании «скрытые предикации» (как формы выражения предассертива). Например, предложение (5а) является общим отрицанием (5) и при этом выражает смысл, неприемлемый для высказывания соответствующего предложения в проповеди.

(5) *Сердца верных ожидают Спасителя.*

(5а)* *Сердца верных (не) ожидают Спасителя.*

Между тем за пределами проповеди к отрицаемым пропозициям в не-ассертивном статусе не предъявляется никаких специальных ограничений, которые определялись бы собственно отрицанием. Это показывают примеры (6) и (6а). Можно полагать, что в них подчиненная пропозиция обладает другим, «не-предассертивным» статусом. Возможно, она характеризуется снятой утвердительностью [Падучева, 2013, с. 31], так как отрицание не влияет на ее истинность.

(6) *Вася выяснил, что статью опубликовали.*

(6а) *Вася выяснил, что статью не опубликовали.*

В связи с этим возникает вопрос: за счет чего в проповеди возникают ограничения, предопределяющие (как единственно возможную) интерпретацию того или иного предассертивного компонента. С нашей точки зрения, факторы, вызывающие подобные ограничения, не синтаксические или прагматические, а дискурсные. Терминологическое сочетание *дискурсные факторы* требует пояснения в связи с неоднозначной трактовкой термина *дискурс* в лингвистике. Чаще всего дискурс определяется как речь или текст в совокупности с экстралингвистическим контекстом [Арутюнова, 1990; Макаров, 2003, с. 83—90]. Представляется, что в этом понимании дискурс стал объектом внимания именно из-за своей корреляции с контек-

стом, который, как считается [Макаров, 2003, с. 147], играет ключевую роль в процессах построения и понимания текста. Однако на типологическом материале проблема соотношения текста и контекста в дискурсе недостаточно изучена и не решена: выделяется почти столько же дискурсов, сколько имеется разных коммуникативных ситуаций. Мы опираемся на определение дискурса, которое было разработано Ю. С. Степановым. На наш взгляд, главное, что постулируется в этом определении, это то, что дискурс — особое использование языка для выражения особой ментальности, а также особой идеологии. Исходя из такого понимания, предлагаем считать, что дискурсными являются, прежде всего, когнитивные факторы: применительно к проповеди ими являются религиозная ментальность и религиозная идеология, которые обуславливают интерпретацию содержания предассертива. Такой подход находит обоснование в достаточно четко очерченном референциальном статусе пропозиций предассертива. Референтом предассертивных пропозиций выступают не «просто» пропозиции, а «пропозиции-факты» [Вендлер, 1986; Кобозева, 2004, с. 237—238; Падучева, 1985, с. 37; Степанов, 1995, с. 45—54]. Пропозиции-факты понимаются в этих работах как «положения вещей», получившие определенную истинностную оценку как принадлежащие дискурсу и поэтому возможные в высказываниях, репрезентирующих дискурс. Так, сравнительные конструкции из (7) могут каждая выражать по две пропозиции, но в дискурсе (проповеди) они должны отличаться по истинностному значению. В проповеди так и есть, они отличаются по истинностному значению: в (7а) истинностное значение «истина», в (7б) — «ложь». Вследствие этого (7а) является выражением факта, и сравнительная конструкция из (7) только с этим значением возможна в дискурсе проповеди.

(7) *Но во Христе не только явился нам Бог с Его любовью, верой в нас, как страж нашего достоинства, как блюститель нашей правды — Он явил нам величие человека* [Сурожский, митроп., 2009, с. 27].

(7а) *Бог — это страж нашего достоинства, блюститель нашей правды (истина, факт).*

(7б) **Бог — это не страж нашего достоинства и не блюститель нашей правды, а как страж и как блюститель (ложь).*

Необходимо подчеркнуть, что из всех приведенных выше примеров нет ни одного, который иллюстрировал бы, что источником референции пропозиций предассертивов была локутивная деятельность субъекта речи. С нашей точки зрения, это свидетельствует о феномене асубъективации (см.: [Бурцев, 2017; Серио, 1999б, с. 369—370]. Понятие асубъективации, противопоставленное субъективности высказывания [Бенвенист, 1974, с. 292—300; Лайонз, 2003, с. 309—359], было введено в работах

ученых ФШАД [Квадратура смысла, 1999; Серιο, 1999б, с. 369—371]. Во ФШАД асубъективация трактуется как «подчинение субъекта высказывания универсальному субъекту, имплицированному преконструкцией термов, из которых строится высказывание» [Серιο, 1999б, с. 369—370]. В данной работе асубъективация определяется как отношение семантического неравенства между субъектом речи и субъектом неассертивной предикации (возникающее в свете грамматического фактора предикации), не воспринимаемое сферой сознания субъекта речи.

Покажем, за счет чего возникает асубъективация в тексте проповеди. Во-первых, информация в предассертиве при разворачивании его в высказывание утверждается не говорящим, поскольку и слова, и грамматические категории, которые предполагают говорящего в тех или иных ролях / статусах [Падучева, 1996, с. 262—265], не обнаруживаются в предассертиве. Значит, возникает вопрос о том, кто осуществляет пропозициональный акт в сентенциальных группах, представленных в текущем высказывании формами, которые только могут быть развернуты в пропозиции. ФШАД, чья точка зрения принимается в данной работе, постулирует, что в любом высказывании имеется имплицитная глубинная категория — субъект presupпозированного высказывания, — которая в текущем высказывании находится на правах неутвержденной предикативной формы. Субъект presupпозированного высказывания обозначается во ФШАД как «другой» субъект [Серιο, 1999а, с. 23]. Так, предложение (8), рассмотренное в [Серьо, 2003]:

(8) *Катюша, сияя улыбкой и черными, как мокрая смородина, глазами, летела ему навстречу* (Л. Толстой) —

имеет, в частности, семантическую структуру, подобную (8^а):

(8^а) *Катюша летела ему навстречу;*

(8^б) *Мокрая смородина черная.*

Говорящий делает утверждение только в отношении предикации *Катюша летела ему навстречу*, так как именно она маркирована по времени и модальности. Что касается предикации *Мокрая смородина черная*, то условием ее возможного существования как высказывания служит другой субъект, ответственный за ее утверждение [Серьо, 2003, с. 284]. Таким образом, вывод об асубъективации делается первоначально на основании того, что в высказывании имеются предикации, не маркированные говорящим по модальности и времени.

Во-вторых, актуальная референция предложения в некоторых случаях и обстоятельствах его употребления не может быть произвольной, как при действии прагматического фактора, — то есть обоснованной говорящим. Это можно проиллюстрировать ранее приведенными примерами (7а—7б).

Пример (7а) — семантически правильный (приемлемый) в проповеди, а пример (7б) — семантически неправильный (неприемлемый) в проповеди. Сравнительная конструкция из (7) не может употребляться в проповеди со значением сравнения (7б), она может использоваться только со значением отождествления (термины заимствуются из: [Ломтев, 1958, с. 140—144]), то есть как (7а), потому что на сравнительное значение имеется запрет со стороны контекста — религиозной картины мира, обойти который говорящий не может.

Другими словами, референция языковых выражений в предассертиве такова: для придания им смысла говорящий должен опереться на дискурсный фактор.

Таким образом, предассертивы представлены в высказывании как слова говорящего, хотя на самом деле они возникли (в качестве ассертивов) до, вне и независимо от текущего высказывания.

2.3. Способы выражения предассертива в структуре высказывания в дискурсе проповеди

К способам выражения предассертива мы относим номинализации, сравнительные конструкции в «аспекте отождествления» (термин из: [Ломтев, 1958, с. 144]), связочные предложения, простые предложения с непропозициональными значениями, например, повелительные и долженствующие; изъяснительные, определительные, условные и причинные сложноподчиненные предложения. Важно отметить, что некоторые из этих типов обладают в проповеди стопроцентной продуктивностью, то есть полностью охватывают жанр проповеди (без этих типов она не существует) в качестве грамматических единиц, присущих этому корпусу текстов [Бурцев, 2012]. К таким предложениям относятся, в частности, повелительные и долженствующие. Их особенность в том, что в дейктическом режиме они употребляются только как ассерции. То, что они грамматически могут характеризовать предассертив, является вопросом. Рассмотрим его на материале долженствующих предложений.

Доказательство предассертивного статуса долженствующих предложений в дискурсе опирается на общую, как нам представляется, для всех модализованных высказываний черту: на них не распространяется правило субъективной обоснованности (в [Карпов, 2013] данное правило предложено только для императивов): при речевой дейктической интерпретации императив должен быть обоснован пропозициональными установками говорящего, которые предопределяют не только появление императива, но и возможность его отмены. В терминах логического вывода субъективно обоснованным признается тот осуществленный императив, отрицание которого должно быть объявлено как неосуществленное [Карпов, 2013].

Таким образом, субъективно обоснованным является императив, если в тексте равным образом приемлемы и значение приказа, и значение его отрицательного трансформанта. При речевой интерпретации императивного высказывания правило субъективной обоснованности действует свободно (*смотрите телевизор / не смотрите телевизор; делайте прививку / не делайте прививку, пейте молоко / не пейте молоко* и т. д.). Однако в проповеди правило субъективной обоснованности для повелительных предложений не действует. Это иллюстрируют примеры (9) и (9а), доказывающие, в частности, необходимость интерпретации повелительных предложений в проповеди как высказываний с неимперативным значением:

(9) *Прославляйте же божественную Троицу в своей жизни...* [Менетров, свящ., 1905, с. 67].

(9а)* *Не прославляйте же божественную Троицу в своей жизни...*

Правило субъективной обоснованности не распространяется также и на должностующие высказывания в проповеди. Они употребляются как предассертивы: с этим связаны и корреляции отрицания с предикатом должностования в дискурсе, и ограничения на тип модального значения. Рассмотрим примеры (10) и (10а):

(10) *Надо каждому из нас одуматься, раскрыть глаза на свои скверны, понять, что мы со своими нераскаянными грехами стоим на краю бездны...* [Николай, митроп., 1947].

(10а) **Не надо каждому из нас одумываться, раскрывать глаза, понимать...*

В этом примере исходное высказывание и высказывание с его отрицанием — это не только пара отрицающих друг друга высказываний. Присоединение отрицания меняет истинностное значение высказывания до такой степени, что оно становится неприемлемым в проповеди.

Другое доказательство — тест, предложенный Е. В. Падучевой [Падучева, 2013, с. 211—218], на определение семантики должностования (тест подходит для контекстов с глаголами совершенного вида). Если при отрицании предиката должностования обязательна замена совершенного вида на несовершенный, то контекст должностования — деонтический. Такая замена, как видим, обязательна для примеров из проповеди (10). Поскольку деонтическое значение — это область объективной (пропозициональной) модальности [Кобозева, 2004, с. 245], то это может служить семантической мотивировкой асубъективации.

Спорным может быть также положение о включении целых предложений в группу конструкций, способных грамматически оформлять предассертив. Но именно таким образом функционируют в проповеди связочные предложения (со сказуемым-существительным). Рассмотрим этот вопрос.

Основным аргументом в пользу того, что связочные предложения функционируют в проповеди как предассертивы, служат их референциальные особенности. Сравним примеры (11а-в) по временным значениям.

(11) *Крест — это знамя мира* [Николай, митроп., 1957, с. 26].

С вневременным значением (11) имеет трактовку: ‘пресуппонируется, что крест был знаменем мира до момента речи, является таковым в момент речи и будет им после момента речи’.

(11а)* *Крест — это знамя мира.*

Со значением настоящего актуального («сейчас, в момент речи, теперь») (11а) имеет интерпретацию: ‘ранее (до момента речи) крест не являлся знаменем мира’.

(11б)* *Крест был знаменем мира.*

В (11б) пресуппонируется, что ‘сейчас крест не является знаменем мира’.

(11в)* *Крест будет знаменем мира.*

В (11в) пресуппонируется, что ‘крест не являлся знаменем мира в прошлом и не является им сейчас’.

Мы видим, что в примерах (11а-в) концептом пропозиции может быть только одна ситуация — (11) — из всех возможных для данного типа предложений в дейктическом режиме. Поэтому можно сделать вывод, что построение высказывания на базе связочного предложения в проповеди не зависит от говорящего, от его способности выражать в построенном им высказывании именно свои мысли и чувства. Поэтому мы предлагаем считать, что в связочных предложениях акт предикации осуществляется раньше момента акта высказывания связочного предложения говорящим. Связочные предложения включаются в текущий речевой акт как цитаты; следовательно, это предассертивы.

3. Отличия предассертива от других категорий и единиц коммуникативной и семантической структуры высказывания

3.1. Предассертив и пресуппозиция

Пресуппозиция — это разновидность семантического следствия [Арутюнова, 2002, с. 67—68; Кифер, 1978, с. 341; Падучева, 1985, с. 32]. Предассертив — разновидность семантической детерминации, которая не совпадает с обычной причинной обусловленностью, в силу которой обусловленность одной части другой основана на том, как это делает говорящий. С нашей точки зрения, предассертив — это пресуппозиция, лишенная эгоцентричности. Приведем аргументы в пользу этого тезиса, пользуясь материалом сложноподчиненных предложений с придаточными причины. Предложение (12) с собственно причинным значением.

(12) *Я надел старую шинель и взял зонтик, потому что шел проливной дождь* (Гоголь) [Русская грамматика, 1980, с. 577].

Придаточное здесь легко преобразуется в слово с событийной семантикой.

(12a) *Я надел старую шинель и взял зонтик из-за проливного дождя.*

Согласно [Бейкер, 1985, с. 414], такое преобразование порождает presupпозицию существования.

С другой стороны, придаточное интерпретируется с предассертивным смыслом, так как семантика причинного отношения состоит здесь в том, что придаточная часть выражает внешнюю причину, в силу которой говорящий осуществил локутивный акт в главной части [Дэйвисон, 1986, с. 237, 263; Михеев, 1990, с. 2; Русская грамматика, 1980, с. 577]. Доказательством служит то, что никакие эгоцентрики в придаточной не могут быть условием логичности высказывания в целом. Это проиллюстрировано в примерах (13a-б), где в качестве эгоцентрических элементов использованы описанные в [Падучева, 1996, с. 261—262].

(13a)? *Я надел старую шинель и взял зонтик, потому что шел (к сожалеанию, к счастью, к моему удивлению и др.) проливной дождь.*

(13б)* *Я надел старую шинель и взял зонтик, потому что шел (какой-то) проливной дождь*

Эгоцентрические элементы в этих примерах: вводные слова, выражающие эмоционально состояние говорящего в (14a), «слабоопределенное местоимение» в (13б) [Падучева, 1985, с. 212—215], оценка говорящего (*проливной*), номинация объекта, подразумевающая говорящего (*ливень*). Субъектная номинация и оценка имеются и в исходном высказывании, однако они не влияют на причинно-следственный характер связи между суждениями. Это показано в (13a).

Еще один важный аргумент в пользу сформулированного выше тезиса — материал по типам соединения предложений в тексте, приводимый Т. ван Дейком [Дейк, 1978, с. 268]. Т. ван Дейк считает, что истинность последовательности предложений определяется условием разумной совместимости (проверяется тестом на паратаксис). При этом соединимость должна определяться в терминах отношений между событиями, которые описываются соединяемыми предложениями. Можно ли распространить предложенное объяснение на сложноподчиненные предложения причины в проповеди? С нашей точки зрения, это принципиально возможно, и трактовка в проповедях придаточных причины должна быть такая: это предассертивы, так как, во-первых, в придаточных невозможны первичные эгоцентрики (с оценкой факта) [Падучева, 1996, с. 318]; это примеры (14б) и (14б'). Во-вторых, свободно выполняется условие разумной соединимости: пример (14a).

(14) *Он — наш Утешитель, потому что в Нем — источник утешения православного христианина во всех его жизненных испытаниях* [Николай, митроп., 1947].

(14а) *Он — наш Утешитель, в Нем — источник утешения православного христианина во всех его жизненных испытаниях.*

(14б)* *Он — наш Утешитель, потому что в Нем (к счастью) — источник утешения православного христианина во всех его жизненных испытаниях.*

(14б')* *Бог, к счастью, — источник утешения православного христианина во всех его жизненных испытаниях.*

Прокомментируем пример (14б). В (14б) подстановка в придаточную часть модального слова приводит к семантической аномалии. Предположительно, источник аномалии — импликатура (14б'), которая выводится из постулата Качества [Грайс, 1985]: говорящий использует оценку в высказывании, пропозиция которого в принципе не может служить объектом выражения его собственного мнения. Высказывание (14б) прагматически тождественно (15) и (16), имеющим аналогичную импликатуру:

(15) **К счастью, Бог — Творец неба и земли.*

(16) **К моему удивлению, существует одно крещение для прощения грехов.*

3.2. Предассертив и топик

Сравнение топика с предассертивом представлялось релевантным в свете принципа бинарного членения предложения на основе предикативных отношений. Как отмечается в литературе, топик и комментарий — глубинные категории в механизме порождения предложений и их контекстуализации, с которыми генетически связаны другие отношения: тема / рема, подлежащее / сказуемое [Коцик, 2019]. С этой точки зрения можно было бы предположить, что топик может быть предассертивом. Однако такой вывод неправилен в силу логико-семантических особенностей топика в русском языке, где топик отмечается преимущественно в конструкции, выполняющей роль именительного темы [Тестелец, 2001, с. 463]. Грамматически (как разновидность номинативного предложения [Дрозд, 2007] или сегментированной синтаксической конструкции [Сковородников, 2011, с. 283—285]) именительный темы может быть предассертивом. Однако с логической точки зрения именительный темы — это суждение, в котором выражена информация, относящаяся к посттексту, а не к тому, что ему предшествует (как в предассертиве).

3.3. Предассертив и подлежащее

Несмотря на то, что подлежащее — статус имени в синтаксическом отношении «подлежащее-сказуемое» и имеет косвенное отношение к содер-

жанию [Чейф, 1982, с. 299], сказуемое становится утверждением только потому, что имя в подлежащем обладает пресуппозицией существования [Кифер, 1978, с. 338].

(17) *Бог — Творец неба и земли.*

(17¹) *Бог существует.*

(17²) *Он сотворил небо и землю.*

Другими словами, подлежащее может претендовать на статус предассертива.

3.4. Предассертив и данное

Как отмечено в [Тестелец, 2001, с. 454—457], в основе современных определений *данного* лежит признак активации знания. Данное — это то, что, с точки зрения говорящего, активировано в сознании адресата в момент произнесения высказывания. Однако представления говорящего не существуют в качестве формального лингвистического объекта; как подчеркивает Я. Г. Тестелец, они могут быть описаны лишь в результате тонких психолингвистических экспериментов [Тестелец, 2001, с. 455]. По нашему мнению, эта задача выполнима (при описании дискурса), если при реконструкции представлений говорящего учитывать только те знания, предположительно, активированные в сознании адресата, которые относятся к языковой ментальности (языковому представлению участка мира [Почепцов, 1990, с. 111]). Задача решается так: информация, активированная в сознании адресата говорящим, ставится в соответствие содержанию приемлемой в дискурсе парафразы предассертива. Как представляется, определенность активированного в сознании адресата знания обеспечивается тем, что в дискурсе говорящий не может высказать нечто такое, что дало бы возможность адресату рассматривать его высказывание так, что в его отношении можно сделать предположения, не следующие или дополнительно следующие из высказывания, что говорящий не предусмотрел или намеренно сделал непредусмотренным. Другими словами, предассертив мог бы быть данным, если бы содержание данного в дискурсе не было обусловлено феноменом асубъективации. В связи со сказанным предассертив — это, очевидно, не данное.

4. Заключение

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы. Во-первых, предассертивный статус пропозиций определяют два основных фактора: грамматический фактор предшествования / следования эксплицитной и имплицитной предикаций относительно момента речи и дискурсный фактор представления в пропозиции предассертива информации, отражающей религиозную ментальность и религиозную идеологию. Действие данных

факторов порождает явление асубъективации. При асубъективации семантическое содержание языкового выражения определяется только свойствами описываемой ситуации, а не локутивной деятельностью субъекта речи.

Во-вторых, установлено, что дискурсивный статус «предассертив» могут получать самостоятельные предложения, в том числе с непропозициональными значениями; например, в проповеди — повелительные и долженствующие предложения. На них, в частности, не распространяется правило субъективной обоснованности, которое без ограничений действует в речевом режиме использования данных предложений.

В-третьих, по некоторым свойствам предассертив сопоставим с рядом единиц разных членений коммуникативной и семантико-синтаксической структуры предложения, однако специфическое его проявление в связи с асубъективацией доказывает, что это особая категория, объективирующаяся в семантической структуре высказываний в дискурсе.

Источники и принятые сокращения

1. *Антоний (Сурожский), митрополит*. Во имя Отца и сына и святого духа: проповеди / Антоний [Сурожский]. — Клин : Христианская жизнь, 2009. — 416 с.

2. *Владимир (Иким), митрополит*. Врата покаяния: Слова, произнесенные в разные годы в период пения Троицы постной / (Иким) Владимир. — Москва : Сибирская Благовонница, 2009. — 925 с.

3. *Григорий, архиепископ Казанский и Свияжский*. Слова или беседы на все воскресные и праздничные дни в году, с присовокуплением слов и речей на некоторые особенные случаи, сказанные синодальным членом, Григорием Архиепископом Казанским и Свияжским / Григорий, архиепископ Казанский и Свияжский. — Санкт-Петербург, 1853. — Том 2. — 363 с.

4. *Менетров М., священник*. Пастырские наставления. Праздничные поучения / священник М. Менетров. — Москва : Воскресный день, 1905. — 184 с.

5. *Николай, митрополит Крутицкий и Коломенский*. Слова и речи / митрополит Николай. — Москва : Издательство Московской Патриархии, 1957. — Т. 4. — 472 с.

6. *Николай, митрополит*. Дух Святый [Электронный ресурс] / митрополит Николай // Журнал Московской Патриархии. — 1947. — № 8. — С. 11—14. — Режим доступа: <http://archive.e-vestnik.ru/page/index/194708421.html> (дата обращения: 02.08.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды / Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки русской культуры : Восточная литература, 1995. — Том 1: Лексическая семантика. — 472 с.

2. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 136—137.

3. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы) / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Едиториал УРСС, 2002. — 384 с.

4. *Арутюнова Н. Д.* Синтаксис / Н. Д. Арутюнова // Общее языкознание (внутренняя структура языка). — Москва : Наука, 1972. — С. 259—343.

5. Бейкер А. Пресуппозиция и типы предложений / А. Бейкер // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1985. — Выпуск 16. Лингвистическая прагматика. — С. 406—418.

6. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — Москва : Прогресс, 1974. — 448 с.

7. Бурцев В. А. Дискурс русской православной проповеди: способы производства высказываний : диссертация ... доктора филологических наук / В. А. Бурцев. — Елец : 2012. — 447 с.

8. Бурцев В. А. Проблема субъективности высказывания в дискурсе на примере повелительных предложений / В. А. Бурцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2017. — Выпуск 4 (14). — С. 567—582.

9. Вендлер З. Причинные отношения / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1986. — Выпуск 18. Логический анализ естественного языка. — С. 264—276.

10. Гак В. Г. Высказывание и ситуация / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики, 1972. — Москва : Наука, 1973. — С. 349—372.

11. Грайс Г. Ф. Логика и речевое общение / Г. Ф. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1985. — Выпуск 16. Лингвистическая прагматика С. 217—237.

12. Дейк Т. ван. Вопросы прагматики текста / Т. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1978. — Выпуск 18. Лингвистика текста. — С. 259—336.

13. Демьянков В. З. «Субъект», «тема», «топик» в американской лингвистике последних лет (Обзор II) / В. З. Демьянков // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. — 1979. — Т. 38, № 4. — С. 368—380.

14. Дрозд Н. В. Именительный темы как особая разновидность номинативных предложений : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. В. Дрозд. — Москва, 2007. — 23 с.

15. Дэйвисон А. Лингвистическое или прагматическое описание: размышление о «Парадоксе Перформативности» / А. Дэйвисон // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1986. — Выпуск 17. Теория речевых актов. — С. 235—269.

16. Золотова Г. А. Монопредикативность и полипредикативность в русском синтаксисе / Г. А. Золотова // Вопросы языкознания. — 1995. — № 2. — С. 99—109.

17. Карпов Г. В. Правила вывода в императивной логике / Г. В. Карпов // Логико-философские штудии. — 2013. — Выпуск 11, № 2. — С. 5—18.

18. Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / сост. П. Серю. — Москва : Прогресс, 1999. — 416 с.

19. Кибрик А. Е. Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике / А. Е. Кибрик // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1982. — Выпуск 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. — С. 5—36.

20. Кифер Ф. О пресуппозициях / Ф. Кифер // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1978. — Выпуск 8. Лингвистика текста. — С. 337—370.

21. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 352 с.

22. Комри Бернард. Номинализация в русском языке: словарно задаваемые именные группы или трансформируемые предложения? / Бернард Комри // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1985. — Выпуск 15. Современная зарубежная русистика. — С. 42—49.

21. *Коцик К. Э.* Топиковые структуры в современных лингвистических парадигмах : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / К. Э. Коцик. — Москва, 2019. — 25 с.
22. *Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика : введение / Дж. Лайонз. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 397 с.
23. *Ли Ч. Н.* Подлежащее и топик: новая типология языков / Ч. Н. Ли, С. А. Томпсон // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1982. — Выпуск 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. — С. 193—235.
24. *Ломтев Т. П.* Основы синтаксиса русского языка / Т. П. Ломтев. — Москва : Учпедгиз, 1958. — 167 с.
25. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. — Москва : Гнозис, 2003. — 280 с.
26. *Микрюкова Т. П.* Неассертивные компоненты высказывания как способ манипулятивного речевого воздействия: на примере рекламных текстов : автореферат диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. П. Микрюкова. — Москва, 2011. — 19 с.
27. *Михеев М. Ю.* Речевой акт обоснования и причинное отношение (семантика и прагматика) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. Ю. Михеев. — Москва, 1990. — 23 с.
28. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. — Москва : Наука, 1985. — 272 с.
29. *Падучева Е. В.* Русское отрицательное предложение / Е. В. Падучева. — Москва : Языки славянской культуры, 2013. — 303 с.
30. *Падучева Е. В.* Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива) / Е. В. Падучева. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
31. *Почепцов О. Г.* Языковая ментальность: способ представления мира / О. Г. Почепцов // Вопросы языкознания. — 1990. — № 6. — С. 110—122.
32. *Русская грамматика* : в 2 т. Т. 2. Синтаксис / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. — Москва : Наука, 1980. — 709 с.
33. *Серио П.* Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — Москва : Прогресс, 1999а. — С. 12—53.
34. *Серио П.* Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций / П. Серио // Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса. — Москва : Прогресс, 1999б. — С. 337—383.
35. *Серьо П.* Сравнение, тождество и имплицитная предикация / П. Серьо // Логический анализ языка. Избранное, 1985—1995. — Москва : Индрик, 2003. — С. 282—295.
36. *Сковородников А. П.* Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников. — Москва : Флинта, 2011. — 480 с.
37. *Степанов Ю. С.* Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. — Москва : Институт языкознания РАН, 1995. — С. 34—72.
38. *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис : учебник / Я. Г. Тестелец. — Москва : РГГУ, 2001. — 796 с.

39. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения / У. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1982. — Выпуск 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. — С. 277—316.
40. Чернявская В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2014. — № 1. — С. 54—61.

MATERIAL RESOURCES

- Anthony (Sourozh), Metropolitan. (2009). *In the name of the Father and the son and the holy spirit. Sermons*. Wedge: Christian Life Foundation. 416 p. (In Russ.).
- Gregory, Archbishop of Kazan and Sviyazhsky. (1853). *Words or conversations on all Sundays and holidays of the year, with the addition of words and speeches on some special occasions, spoken by the synodal member, Gregory Archbishop of Kazan and Sviyazhsky*, 2. St. Petersburg. 363 p. (In Russ.).
- Menetrov, M. priest. (1905). *Pastoral Instruction. Holiday teachings*. Moscow: Sunday. 184 p. (In Russ.).
- Nicholas, Metropolitan of Krutitsky and Kolomensky. (1957). *Words and Speeches, 4*. Moscow: Publishing house of the Moscow Patriarchate. 472 p. (In Russ.).
- Nicholas, Metropolitan. (1947). Holy Spirit. *Journal of the Moscow Patriarchate*, 8: 11—14. Available at: <http://archive.e-vestnik.ru/page/index/194708421.html> (accessed: 02.08.2021) (In Russ.).
- Vladimir (Ikim), Metropolitan. (2009). *Gates of repentance: Words spoken in different years during the singing of the Lenten Triodion*. Moscow: Siberian Blagozvonitsa. 925 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Apresyan, Yu. D. (1995). *Selected Works, 1: Lexical semantics*. Moscow: Languages of Russian culture: Oriental literature. 472 p. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1972). Syntax. In: *General linguistics (internal structure of language)*. Moscow: Nauka. 259—343. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1990). Discourse. In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 136—137. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (2002). *Proposition and its meaning (logical-semantic problems)*. Moscow: Editorial URSS. 384 p. (In Russ.).
- Baker, A. (1985). Presupposition and types of sentences. In: *New in foreign linguistics, 16. Linguistic pragmatics*. Moscow: Progress. 406—418. (In Russ.).
- Benveniste, E. (1974). *General linguistics*. Moscow: Progress. 448 p. (In Russ.).
- Burtsev, V. A. (2012). *Discourse of Russian Orthodox preaching: methods of production of utterances*. Doct. Diss. 447 p. (In Russ.).
- Burtsev, V. A. (2017). The problem of subjectivity of utterance in discourse on the example of imperative sentences. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature*, 4 (14): 567—582. (In Russ.).
- Chaf, U. (1982). Given, contrast, certainty, subject, topics and point of view. In: *New in foreign linguistics. 11. Modern syntactic theories in American linguistics*. Moscow: Progress. 277—316. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2014). Phantoms and syndromes of the discursive paradigm. *Questions of cognitive linguistics, 1*: 54—61. (In Russ.).

- Comrie, B. (1985). Nominalization in Russian: Dictionary-Specified Nominal Groups or Transformable Sentences? In: *New in foreign linguistics, 15. Modern foreign Russian studies*. Moscow: Progress. 42—49. (In Russ.).
- Davison, A. (1986). Linguistic or pragmatic description: reflection on the “Paradox of Performativity”. In: *New in foreign linguistics, 17. The theory of speech acts*. Moscow: Progress. 235—269. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z. (1979). “Subject”, “theme”, “topic” in American linguistics of recent years (Review II). *Izvestia of the Academy of Sciences of the USSR. Ser. literature and language, 38/4*: 368—380. (In Russ.).
- Drozd, N. V. (2007). *Nominative themes as a special kind of nominative sentences: author’s abstract of PhD. Diss.* Moscow. 23 p. (In Russ.).
- Dyck, T. van. (1978). Questions of pragmatics of the text. In: *New in foreign linguistics, 18. Linguistics of the text*. Moscow: Progress. 259—336. (In Russ.).
- Gak, V. G. (1973). Statement and situation. In: *Problems of structural linguistics, 1972*. Moscow: Nauka. 349—372. (In Russ.).
- Grice, G. F. (1985). Logic and speech communication. In: *New in foreign linguistics, 16. Linguistic pragmatics*. Moscow: Progress. 217—237. (In Russ.).
- Karpov, G. V. (2013). Rules of inference in imperative logic. *Logical and philosophical studies, 11/2*: 5—18. (In Russ.).
- Kibrik, A. E. (1982). The problem of syntactic relations in universal grammar. In: *New in foreign linguistics, 11. Modern syntactic theories in American linguistics*. Moscow: Progress. 5—36. (In Russ.).
- Kiefer, F. (1978). About presuppositions. In: *New in foreign linguistics, 8. Linguistics of the text*. Moscow: Progress. 337—370. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M. (2004). *Linguistic semantics*. Moscow: Editorial URSS. 352 p. (In Russ.).
- Kotsyk, K. E. (2019). *Topical structures in modern linguistic paradigms: author’s abstract of PhD. Diss.* Moscow. 25 p. (In Russ.).
- Lee, C. N., Thompson, S. A. (1982). Subject and topic: a new typology of languages. In: *New in foreign linguistics, 11. Modern syntactic theories in American linguistics*. Moscow: Progress. 193—235. (In Russ.).
- Lomtev, T. P. (1958). *Basics of Russian syntax*. Moscow: Uchpedgiz. 167 p. (In Russ.).
- Lyons, J. (2003). *Linguistic semantics: an introduction*. Moscow: Languages of Slavic culture. 397 p. (In Russ.).
- Makarov, M. L. (2003). *Foundations of the theory of discourse*. Moscow: Gnosis. 280 p. (In Russ.).
- Mikheev, M. Yu. (1990). *Speech act of justification and causal relation (semantics and pragmatics): author’s abstract of PhD. Diss.* Moscow. 23 p. (In Russ.).
- Mikryukova, T. P. (2011). *Non-assertive components of utterance as a method of manipulative speech influence: on the example of advertising texts: author’s abstract of PhD. Diss.* Moscow. 19 p. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (1985). *Utterance and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns)*. Moscow: Nauka. 272 p. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (1996). *Semantic research (semantics of time and type in Russian; semantics of narrative)*. Moscow: Languages of Russian culture. 464 p. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2013). *Russian negative proposition*. Moscow: Languages of Slavic culture. 303 p. (In Russ.).
- Pocheptsov, O. G. (1990). Linguistic mentality: a way of representing the world. *Questions of linguistics, 6*: 110—122. (In Russ.).

- Serio, P. (1999a). How texts are read in France. In: *Squaring of meaning: the French school of discourse analysis*. Moscow: Progress. 12—53. (In Russ.).
- Serio, P. (1999b). Russian language and analysis of the Soviet political discourse: analysis of nominalizations. In: *Squaring of meaning: the French school of discourse analysis*. Moscow: Progress. 337—383. (In Russ.).
- Serio, P. (2003). Comparison, identity and implicit predication. In: *Logical analysis of language. Selected, 1985—1995*. Moscow: Indrik. 282—295. (In Russ.).
- Serio, P. (ed.). (1999). *Squaring of meaning: French school of discourse analysis*. Moscow: Progress. 416 p. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (ed.). (1980). *Russian grammar, 2/2. Syntax*. Moscow: Nauka. 709 p. (In Russ.).
- Skovorodnikov, A. P. (2011). *Encyclopedic dictionary-reference book. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings*. Moscow: Flinta. 480 p. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1995). Alternative world, discourse, fact and principle of causality. In: *Language and science of the late 20th century*. Moscow: Institute of Linguistics RAS. 34—72. (In Russ.).
- Testelets, Ya. G. (2001). *Introduction to general syntax: textbook*. Moscow: RGGU. 796 p. (In Russ.).
- Wendler, Z. (1986). Causal relations. In: *New in foreign linguistics, 18. Logical analysis of natural language*. Moscow: Progress. 264—276. (In Russ.).
- Zolotova, G. A. (1995). Monopredicativity and polypredicativity in Russian syntax. *Questions of linguistics, 2*: 99—109. (In Russ.).